

DOI: 10.31425/0042-8795-2024-4-184-189

В. К. Кантор. Россия как судьба. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 524 с.

АЛИНА АНДРЕЕВНА ЖУКОВА

аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (105066, Российская Федерация, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; email: aazhukova@hse.ru)

Аннотация. Новая книга В. Кантора «Россия как судьба» посвящена проблеме выбора России как судьбы и верности этому выбору. В рецензии показано,

каким образом Кантор проводит, начиная с Петра I, линию русских европейцев — творцов русской культуры; тех, кто, несмотря на интеллектуальное обогащение опытом Европы, всегда возвращался к России.

Ключевые слова: Петр I, А. Пушкин, Н. Карамзин, П. Чаадаев, Ф. Достоевский, В. Ленин, В. Кантор, М. Мамардашвили, русский европеец, «философский пароход».

Рецензия поступила 20.01.2024.

© 2024, А. А. Жукова

Kantor, V. (2023). *Russia as destiny*. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russ.)

ALINA A. ZHUKOVA

postgraduate student

National Research University Higher School of Economics (21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation; email: aazhukova@hse.ru)

Abstract: Kantor's book is devoted to the problem of choosing Russia as one's own destiny and remaining loyal to that choice. The book's leitmotif is the significance of the word in our lives: turning to the word, we continue God's work, and the writer's inner freedom and self-discovery at the crossroads of epochs ensures the word's immortality. Kantor complements his religious interpretation of literature and writing with a cultural-historical interpretation that draws on Mamardashvili's ideas. The latter argued

that the question whether Dostoevsky and Tolstoy loved Russia is nonsensical: He believed both to be Russia — or creators of Russia. Kantor, however, further develops the concept by pointing out that creation is only possible for a loving heart, and that it was love for Russia as a great nation that set Peter I and his successors apart from Lenin, Tolstoy, Herzen, and others who hated Russia or failed to see its greatness. In Kantor's perception the prevalent thought of Russian Europeans was to accept Russia as their destiny — and his own creed can be deduced from this idea.

Keywords: Peter I, A. Pushkin, N. Karamzin, P. Chaadaev, F. Dostoevsky, V. Lenin, V. Kantor, M. Mamardashvili, Russian Europeans, the 'philosophers' steamer.'

The review was received on 20 Jan. 2024.

© 2024, A. A. Zhukova

В эпиграф новой книги В. Кантора «Россия как судьба» отнюдь не случайно вынесено стихотворение Анны Ахматовой «Мне голос был...», написанное в трагическом 1917 году. Именно проблеме выбора России как собственной судьбы и верности этому выбору, какие бы трагические события ни случались, автор посвящает эту книгу.

Сквозной идеей, начиная с предисловия, является значение слова в нашей жизни. Как истинный философ, повторяя первые строки из Евангелия от Иоанна, Кантор вводит в текст религиозную трактовку: если слово — это Бог, то «обращаясь к слову, мы как бы продолжаем работу Бога <...> тот, кто рискует взяться за перо, наверно, должен найти себя не во времени, а в сцеплении времен, если хотите, себя в себе» (с. 9).

Такую позицию автор утверждает в своих текстах не впервые — о нахождении себя «посреди времен» как условия независимости он уже писал в книге, вышедшей несколько лет назад [Кантор 2015]. Как читатель узнает позднее, такое трепетное обращение со словом Кантор перенял от своего отца Карла Моисеевича, который на 50-летию автора сказал: «Будь словом, Вова, / Плоть трава! / Оставь слова, слова, слова!» (с. 346). В этом кредо, определившем, по его же признанию, жизнь автора, легко угадывается аллюзия на стихотворение А. Пушкина.

Другим источником, способствующим пониманию роли слова в русской культуре и во многом формирующим содержание и структуру работы, стала книга М. Мамардашвили «Как я понимаю философию» (1989). В заключении второй главы приводится цитата, в которой Мамардашвили говорит о нелепости вопроса о том, любили ли Россию Ф. Достоевский и Л. Толстой: «...такие люди и сами были Россией, возможной Россией <...> это попытка родить целую страну “через звуки лиры и трубы”, — как говорил Державин, — из слова, из смыслов, из правды» (с. 68). У таких мыслителей, как Карамзин, Пушкин и Чаадаев, эта попытка была более удачной, у других — менее. В своей книге Кантор рассматривает магистральную линию «русских европейцев», принявших судьбу России как свою: с Петра I, Пушкина, Карамзина, Чаадаева, Достоевского, Чернышевского. Попутно в русской истории обнаруживаются и те, кто выбивается из этого нарратива, как, например, Герцен и Толстой.

Кантор начинает основную часть книги с критики мифа о схожести фигур Петра I и Ленина: казалось бы, к 20-м годам XXI века, когда Россия за столетие с момента основания СССР

не раз циклично проходила через ужас и разорение, этот миф должен был себя изжить, но, как ни странно, именно он помогает читателю с самых первых страниц четко понять, что двигало Петром I и его последователями. Как указывает Кантор, «ненависть бесплодна и разрушительна, творить можно только любя. Поэтому Петр создал из никакой России, разрушенной боярскими дрязгами, России-Гуляйполя, мощную державу, а Пушкин создал русскую литературу и русский язык» (с. 18).

Следующим в линию Петра встраивается Карамзин — его усилия Кантор сравнивает с коперниканским переворотом: Карамзин «описал со всем уважением европейский Запад, но это уважение покоилось на понимании себя как русского, который не ниже европейца» (с. 52). Русский историк сумел обогатить русский язык, «закрепил русскую историю в слове, создав тем самым основу для размышлений русских людей» (с. 66).

От Карамзина Кантор переходит к его, выражаясь словами Мамардашвили, «соседу по жизни» — Пушкину, чей гений позволяет автору указать на ключевую особенность миропонимания Толстого, уводящую в сторону от линии Петра — к линии Ленина. Если Пушкин выступал как «русский европеец», уважал западную культуру и даже состязался с ней, создавая своим творчеством духовный уровень, достойный России, то Толстой пошел по пути «пролетаризации культуры»: «...кредо толстовского народничества строилось на антихристианском тотальном осуждении всего не своего» (с. 84).

Закрывает раздел глава о Чаадаеве. Вызвавший, подобно Сократу, гнев молодых людей «Философическим письмом», признанный императором Николаем I безумцем, он все же сумел духовно сплотить интеллектуалов своего времени. Как показывает Кантор, именно гениальный вердикт императора и последующее заступничество генерал-губернатора Москвы Дмитрия Владимировича Голицына, результатом которого было снятие всяческого надзора, позволили Чаадаеву продолжить деятельность независимого мыслителя: «сумасшедшего можно извинить» (с. 98), более того, «со времен шекспировского Гамлета интеллектуалы охотно принимали на себя роль сумасшедшего, понимая, что это их не унижает» (с. 99). Не унизило это и Чаадаева, наоборот, дало силы двигаться дальше.

Второй раздел книги оказывается для Кантора более личным — он о творчестве Достоевского, которому посвящены несколько других книг автора: «“Судить божью тварь”».

Пророческий пафос Достоевского» (2010), «Две родины Достоевского: попытка осмысления» (2021), «Dostoevskij in dialogo con l'occidente» (2022); главы из последней включены в этот раздел.

Рассказ о любимом писателе начинается с небольшой исповеди-травелога о пути к Достоевскому и с Достоевским: «...каждый год я читаю Достоевского <...> этот писатель и привел меня к Евангелию, а также открыл и много европейских текстов, которые я читал уже, опираясь на пережитого мною Достоевского» (с. 111). Собственно, этот метод чтения европейских текстов Кантор применяет в третьей главе раздела, где рассматривает романы «Отец Горио» О. Бальзака и «Преступление и наказание» в их диалогической перекличке и сквозь парадигму ада у Данте. Ориентирами Достоевского, его «соседями по жизни», помимо Бальзака и Данте, были Гомер, Шекспир, Шиллер, Гете и, конечно, Пушкин — не входя в круг современников, Достоевский искал ориентиры в «сцеплении времен», в метафизическом пространстве.

Одним из немногих современников, с которыми Достоевский много общался, был его ровесник Н. Некрасов. Сравнивая их жизненные пути, Кантор подчеркивает, что у Достоевского и Некрасова была общая точка отсчета — Христос (с. 132). Быть может, именно поэтому, несмотря на противоречия во взглядах, они всю жизнь относились друг к другу с глубочайшим уважением. В заключении этой главы вновь отчетливо звучит идея Мамардашвили: «...такие люди и создавали русскую литературу, тем самым творя Россию» (с. 139).

Проблема выбора России как своей судьбы начиная с XIX века имеет географический и даже геополитический аспекты — их Кантор рассматривает в третьем разделе, который посвящен столетию «философского парохода». Примечательно, что об уехавших философах здесь не говорится вовсе — даже Ф. Степун, которого обычно причисляют к изгнанникам, покинул Россию на поезде, а не на пароходе (с. 204).

Сравнивая позиции Герцена и Чернышевского по поводу эмиграции, автор показывает, что «философский пароход» как явление принадлежит российской традиции: «...это один из архетипов отношения российского правительства к инакомыслию. Или уничтожение, или тюрьма и каторга, или лагерь...» (с. 213). Когда над Чернышевским нависла угроза каторги, генерал-губернатор Санкт-Петербурга А. Суворов сделал многое для его спасительного выезда за границу, но тот отказался. Позиция Чернышевского рифмуется с позицией Степуна

относительно эмиграции в Штаты: «Степун остался в Германии, на своей второй родине, где посвятил все силы своего таланта рассказу о России, о ее мыслителях» (с. 293). Продолжая аналогию, можно сказать, что и Чернышевский, и Степун встраиваются в линию Петра, Герцен же с его радикализмом принадлежит скорее линии Ленина. Анализ мировоззрения писателей, оставшихся на родине, и эмигрантов дополняется анализом романов, два из которых («Мы» Е. Замятина и «Трест Д. Е. История гибели Европы» И. Эренбурга) были написаны в 1921–1922 годах, примерно в одно время с «философским па-роходом». Эти произведения позволяют, на мой взгляд, представить суть пути, проделанного изгнанниками, — откуда они выехали и куда попали.

Последний раздел книги по преимуществу автобиографический — в него вошли воспоминания автора о семье, отце, интеллектуальном круге, друзьях и коллегах, а также журнальные рецензии на его ранее изданные книги и интервью. Такая резкая смена жанра при первом взгляде на оглавление смущает: как бы увлекательны ни были рассказы о посиделках Мамардашвили со студентами за кофе в «Национале», на одной из которых он позвал Кантора в редакцию «Вопросов философии» (с. 342), все же возникает вопрос, в чем замысел автора. Однако при последовательном знакомстве с текстом такая смена кажется уже естественной. На протяжении всей книги Кантор говорит о своих «соседях по жизни» — от мыслителей, с которыми он оказался в «сцеплении времен», автор переходит к современникам, непосредственным соседям.

Грань между двумя группами «соседей» порой оказывается условной. Говоря о раннем детстве, Кантор вспоминает, как отец провожал его в детский сад, «всю дорогу читая стихи то Маяковского, то Пушкина. И я тогда был уверен, что они современники. Он жил стихами и меня погружал в этот океан» (с. 324). Условность в делении отнюдь не случайна: это особенность, присущая сцеплению времен. Например, одной из пограничных фигур оказывается В. Маяковский. Ему посвящена последняя книга отца Кантора, который «прожил жизнь под звездой Маяковского» (с. 333), его тетя взяла псевдоним Лиля Герреро в честь Лили Брик, перед которой преклонялась, и Кантор с трепетом описывает краткую встречу с Лилей Брик в детстве.

Одной из важных тем последнего раздела книги оказывается память об ушедших «соседях». Так, помимо воспоминаний об отце, Кантор говорит об основательнице Немецко-русского

института культуры в Дрездене Валерии Дмитриевне Шелике, о книжнике Льве Михайловиче Турчинском, собравшем самую большую библиотеку русской поэзии XX века, о своем близком друге — художнике Максиме Михайловиче Светланове.

Наконец, Кантор дает возможность другим говорить о нем и о его книгах в рецензиях последних лет. Во всех этих воспоминаниях, как и Кантора о других, так и других о Канторе, есть то общее, что позволяет поместить автора в одну линию с его героями — линию Петра: для них Россия — это судьба. Это не просто слова, а философия, которая определяется Кантором на заключительной странице книги в интервью дочери как «философия неприятия, философия внутренней свободы» (с. 504) в противовес философии сопротивления, которая скорее присуща диссидентскому движению. Таким образом, принятие России как собственной судьбы оказывается для Кантора невозможным без внутренней свободы.

Литература

Кантор В. К. Посреди времен, или Карта моей памяти. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2015.

References

Kantor, V. (2015). *In the midst of time; or, The map of my memory*. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ: Universitetskaya kniga. (In Russ.)